

ББК 87.6

Л.А. Серединская

**Героика повседневности в современном обществе:
героика труда и героика войны**

L.A. Seredinskaya

**Heroic of Everyday Experience in a Modern Society: Heroic
of Work and Heroic of War**

Рассматривается проблема существования феномена героизма в повседневности. Героика повседневности раскрывается в двух своих аспектах – героике труда и героике войны.

Ключевые слова: героизм, герой, повседневность, героика войны, героика труда.

This article examines the problem of existence of a phenomenon of heroism in everyday experience. The heroic of everyday experience reveals in two aspects – heroic of work and heroic of war.

Key words: heroism, hero, everyday experience, heroic of work, heroic of war.

Укорененность концепта «героика повседневности» в языке – от языка социогуманитарных наук до языка масс-медиа и обыденного общения – достаточная причина для привлечения социально-философского интереса к этой проблеме. Феномен «героики повседневности» уже на понятийном уровне представляет собой своего рода философский оксюморон. Существование его в качестве стереотипа общественного сознания кажется неоспоримым, но тем более проблемной представляется сама парадоксальность со-бытия двух этих феноменов – героизма и повседневности, соединение на онтическом плане, казалось бы, несоединимого. Героизм принято рассматривать как экстремальный способ существования, выходящий за границы повседневности, как попытку выхода за одну данную субъекту его в собственном восприятии и в окружающих его социальных дискурсивных практиках грань социального бытия, как механизм социоконструирования, действующий преимущественно в ситуации социального экстремума, в кризисных периодах существования общества, т.е. в противопоставлении с любыми стратегиями повседневности.

Повседневность в социально-философском аспекте представляет собой кумулятивный опыт группы, в котором осуществляется постепенный прирост содержания в ходе решения стандартных проблем в контексте проживания повторяющихся структурно-подобных ситуаций, и последующая его трансляция в процессе социализации (изучение языка, ритуалов, навыков производственной деятельности и т.п.). Повседневность, рассматриваемая в методологическом плане, – статический образ мира, в котором искусственно приостановлены креативность и инновации и укрепляются исключительно стабильные, не

подвергаемые сомнению основания поддержания жизнеспособности общества (традиции, ритуалы, стереотипы, категориальные системы) [1].

Героизм всегда мыслится в контрастности с «нормой», «догмой», «доксой»; это всегда бунт против статики, остановки, омертвления сущего на всех уровнях существования социального. Но, несмотря на кажущуюся его несовместимость со статичностью повседневности, невозможно отрицать фактичность существования героизма именно в мире, который нас окружает, в мире повседневности. На уровне той поверхности, на которой являет себя фактичность героического, для каждого Dasein существует выбор принятия определенного типа повседневности, с присущим этому типу набором социальных характеристик, или выхода за рамки каких-либо нормирующих прескрипций. Героизм Dasein, таким образом, может быть явлен на уровне онтики различными способами.

Особо пристального внимания заслуживают две основные атрибуты героики повседневности в современном обществе: героика труда и героика войны.

Героика труда в современности социальной философией также декларируется как амбивалентный социальный феномен. В числе дихотомий этого феномена особый исследовательский интерес вызывают лежащие на поверхности социальной жизни, в пространстве повседневного, позитивный и негативный смыслы трудового героизма, антитетика фигур «труженика» и «клерка», труд как подлинный героизм современности и офисная работа как симулякр труда. Еще в работах Эрнста Юнгера появляется фигура героя особого типа – «Труженик». «Der Arbeiter» – это центральный тип всех тех политических, творческих, интеллектуальных и философских движений, которые, несмотря на их разнообразие,

объединяются в понятии «Консервативная революция». «Труженик» – главный герой этой Революции, ее субъект, ее экзистенциальный стержень. Это особый тип современного человека, который в предельном критическом опыте профанической реальности, находясь в самом сердце технократического бездушного механизма, в недрах тоталитарной войны или индустриального труда, в центре нигилизма XX в., обнаруживает в себе самом таинственную точку опоры, которая выводит его по ту сторону «ничто», к стихиям спонтанно пробужденной внутренней сакральности. Через интоксикацию «современностью» «труженик» Юнгера постигает сияющую недвижность Полюса, кристальный холод объективности, в котором проявляются Традиция и Дух, но не как нечто старое, древнее, а как вечное, как вечное возвращение к вневременному Истоку. «Труженик» не консерватор и не прогрессист. Он не защитник старого и не апологет нового, он – Третий Герой, новый Титан, в котором через предельную концентрацию модернизма, в его наиболее травматических формах, через индустриальный и фронтовой хаос открывается особое трансцендентное измерение, мобилизующее его на метафизический, экзистенциальный подвиг. «Труженики» – люди траншей, заводов, «кочевники асфальта», лишенные наследства в технократической цивилизации, принимающие вызов расплывающейся реальности и накапливающие в душе особые энергии великого восстания, такого же жестокого и объективного, как агрессия индустриально-буржуазной среды. Эрнст Юнгер – создатель политико-идеологической концепции «тотальной мобилизации», которая стала теоретической и философской базой многих консервативно-революционных движений. «Тотальная мобилизация» означает необходимость всеобщего пробуждения нации для строительства новой цивилизации, в центре которой будут поставлены Герои и Титаны, носители пламени Национальной Революции, «рожденной волевым образом из бездн социального отчуждения» [2].

Нечто похожее на образ «тотальной мобилизации» мы наблюдаем в истории нашей страны в годы первых пятилеток, первых послевоенных лет и нынешних «посткризисных» – тотальную мобилизацию народа для борьбы с последствиями разрушительного действия социальных катаклизмов. Различие – лишь в механизмах осуществления этой мобилизации и в эффективности их использования. Однако осуществляемая посредством административных ресурсов социальная реклама рабочих профессий, инициируемая упадком производства, закономерным вследствие оттока потенциальных кадров в другие сферы производства, и «антикризисные меры по восстановлению экономики» не имеют под собой того архетипического базиса, который в свое время сделал возможным трудовой подвиг советско-

го народа, поэтому апелляция к проверенным историей методам в современных условиях обречена на провал. Тотальное вовлечение всех членов общества в процесс его реконструкции посредством трудовой деятельности приобретает черты симуляции трудового героизма, а сама героика труда становится симулякром.

Внешние, идеологические детерминанты трудового героизма не являются единственными. Истоки трудовой героики повседневности лежат и в сфере «внутреннего», они имманентны человеку как субъекту социальных отношений, поскольку основываются на онтологической характеристике человека – способности перехода на иную грань бытия, выходе за границы социальной данности. Единственной действенной защитой рядового члена общества от тотального диктата власти был именно труд – нерассуждающий, повседневный, именно ради куска хлеба, труд, которому придавалось значение большее, чем в эпоху массового потребления. Свой кусок хлеба и был реальной свободой и реальной собственностью. Я работаю – я независим – я свободен. Власть может многое, но свобода – это свобода обеспечивать свое существование трудом. Моя свобода в том, что я делаю; как бы ни было все это устроено с позиции отношений господства-подчинения, благодаря своему труду именно я являюсь владельцем своей повседневной реальности. Именно в рамках описываемого Оруэллом «двоемыслия» сформировалась эта традиция как особая социальная стратегия – нахождение убежища в труде, выход (героическое действие) за давящие рамки социальной статичности, властных прескрипций, симулякральных инноваций в реальность повседневного труда. В ситуации современности из всех альтернатив этот выход, несмотря на транслируемость его форм средствами идеологии, наименее популярен в повседневной жизни в сравнении с другими «убежищами» – реальностью виртуального, экстатического, маргинального. Но тем более явным становится инкорпорированность феномена «героики труда» в структуру социального субъекта «постсоветской» эпохи, и, как стереотип общественного сознания, этот феномен не может быть категорично расценен ни в позитивном, ни в негативном ключе. Подобно бэконовским «идолам разума», это не нужно ни искоренять, ни обожествлять – это возможно использовать во благо, при необходимости от этого следует защищаться. Но вряд ли осмысленно с этим воевать.

Героика войны – наиболее транслируемый в повседневности стереотип общественного сознания в силу его незыблемого базиса в структурах коллективного бессознательного. Интенсифицирующиеся в общественном сознании идеи революционного террора, тиражируемая символика военных героев современности: Че Гевары, субкоманданте Маркеса,

героизация лидеров националистических движений, растворенность героизма боевых действий в обыденной жизни, повторяемость и традиционность военного героизма – не что иное, как признаки инкорпорации героики войны в структуры повседневности.

Архетип «вечно живого в памяти народной» Героя – одна из основных характеристик советских героев в рамках оригинального описания. Это награда, вердикт святости, божественного начала и одновременно указание на обыденность, повседневность героизма, ставшего, благодаря максимальной включенности в процесс социализации, явлением необходимым и естественным, как дыхание. Это оптимистическое достижение советской героической мифологии весьма любопытно не только ввиду парадоксального переплетения заведомо противоположных стихий, но и по причине сходства с современной нам ситуацией растворения героизма в повседневности. Дистанция между реальной жизнью в Советском государстве и героическим мифотворчеством столь же необозрима, сколь отсутствует вовсе. Это объясняется высочайшей интенсивностью эксплуатации героической мифологии в целях социализации субъектов советского общества. Зазор между реальностью героического мифа и повседневностью был искусственно сведим к нулю («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»). В советском обществе сосуществовало две возможности поведения относительно саморастущей героики: либо субъект принимал условия, устанавливаемые ею, либо нет. Прескриптивные идеологические формулы, транслируемые культурой: «*В жизни всегда есть место подвигу*», и «*Когда страна прикажет быть героем, – у нас героем становится любой!*» – являются тому наглядным примером. В итоге такое слияние героического эпоса и обыденной реальности привело к снятию и того, и другого.

В современности это явление столь же реально. В обыденном массовом сознании поколения «чеченских событий» война и военная героика становятся не угрозой небытия, а неотъемлемой частью повседневности, топика которой размечена обыкновенными привычными «горячими точками». Стереотипным становится само понятие «война», безуспешно подменяемое идеологическим дискурсом понятием «локальный конфликт». Слово «Чечня» все отчетливее выражает себя в коллективном сознании как совокупный образ войны в России, замещает собой понятие «война» и начинает обретать символический характер [3]. Феномен «оповседневливания» (в терминологии М. Вебера) героики войны на материале чеченских войн является одним из механизмов перевода новых реалий жизни России в русло формульных коллективных представлений, в реальности повседневности компенсирующих неразвитость института общественного мнения, и их социальной легитимации.

Повседневность, дабы обрести смысл, нуждается в отсылке к истокам и архетипам; она требует создания мифа и мифического обоснования и находит их в структурах общественного сознания. Однако понятие «Герой» на уровне повседневности не является только лишь мифологемой и метафорой; в реальности обыденной жизни Герой как социальный феномен обладает реальностью как личность и как социальный актер, существование и деятельность которого не ограничиваются темпоральными рамками одного действия – подвига. Феномен героики повседневности, как было отмечено вначале, характеризуется амбивалентностью, и поэтому его смысл не ограничивается социальной деструкцией. С трансцендентальной точки зрения героика повседневности представляет собой секуляризацию архетипа Героя, служащую социальным регулятивным механизмом и транслятором знаний, социальных норм и регламентаций повседневного поведения, и в то же время сакрализирует феномены обыденной жизни, придавая им статус повседневных героических мифов.

Действия героя на уровне повседневной жизни означают собой единственную возможность решения некоей *неразрешимой* проблемы, возникшей в обществе. Одновременно герой не допускает развития трагической коллизии, когда исчезает возможность для маневра и любое из действий оказывается одинаково губительным. Вопрос о возможности и месте героического поступка в повседневной жизни имеет при подобном подходе простое разрешение: героика сопричастна повседневности в той мере, в какой повседневность нуждается в предотвращении выбора из «двух зол», т.е. в предотвращении невозможности выбора. Разрешить неразрешимое – значит, избавиться от перспективы трагической развязки. Это избавление требует *уникального* решения, которое, будучи воплощенным в реальность обыденной жизни, наверняка, в случае успеха останется незамеченным массами, но это в таком случае и есть показатель осуществляющегося и о-существляющего человеческого бытие героизма. Героизм, осуществляющийся в повседневности, – героизм без пафоса, витийствования, предпочитающий публичности ответственность и самостоятельность действия, он совершается не с высоты трибун, кресел и пожарных вертолетов. По словам Дж. Кэмпбелла, «Герой современности, сегодняшний индивид, с которым должна свершиться наша общая судьба как искупление, не может и не должен ждать, пока его сообщество отрешится от своей удручающей гордыни, страхов, рассудительной скупости и санкционированных свыше ханжеских заблуждений. Для каждого из нас настал судный день – каждому нести крест Спасителя – и не в блистательный миг триумфа своего рода-племени, но в безмолвии своего ни с кем не разделенного отчаяния» [4, с. 378].

Библиографический список

1. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности [Электронный ресурс]. – URL: <http://journal.iph.ras.ru/alltag.doc>.
2. Дугин А. DER ARBEITER (об Эрнсте Юнгере) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.arctogaia.com/public/templars/arbeiter.htm>.
3. Зверева Г. Технологии производства масскультурной продукции о войне [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.voinenet.ru/mneniya-i-otsenki/publitsistika-o-voine/145.html>.
4. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – М., 1997.